

Е. В. Литовченко (Белгород)

ОСОБЕННОСТИ СТАТУСНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЗДНЕРИМСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Позднеантичная эпоха на латинском Западе в силу консерватизма традиции и активной транзитивности представляет для нас особый интерес в «человеческом измерении», сквозь призму мировосприятия наиболее характерных представителей ее культуры, к примеру, галло-римского литератора и епископа Сидония Аполлинария (ок. 430–480 гг.).

Именно римская образованная знать была главной силой, сохранившей классические традиции и передавшей ее преемникам, что, впрочем, не помешало им принимать христианство, а также занимать высшие посты в церковной иерархии.

Слой образованной элиты был немногочисленным и достаточно замкнутым в силу того, что интеллектуальным творчеством могли заниматься люди, имеющие солидное состояние. Несомненно, каждый представитель данного слоя обладал рядом признаков, позволявших им идентифицировать себя как истинных римлян, а также представителей особого микросоциума — образованной знати, узкого круга ценителей прошлого.

Высшая образованная знать позднего Рима имела все основания для того, чтобы гордиться своей принадлежностью к империи, даже после того, как последняя прекратила свое существование. Эти основания веками вырабатывала имперская идеология для того, чтобы римляне имели четкие критерии своей идентификации, отличий от остального «неримского» мира.

Общая идеология Римской империи, «имперская идея» задавала категории престижности в римском обществе. Такими категориями для истинного римского гражданина являлись: знатность рода; богатство, земельные владения; служение государству; риторическое образование; красноречие, ораторское искусство; занятия литературой.

Эти категории не только не потеряли своей значимости в период поздней античности, но и приобрели актуальность: на пороге окончательной утраты военнополитического влияния римляне стремились противопоставить окружающему миру свои высшие ценности и традиции, держась за них, как за надежный якорь.

В прямой связи с «имперской идеей» находились внешние регалии власти римских императоров и се-

ната — инсигнии, которые вкупе с древними латинскими традициями должны были служить усилению верноподданных отношений граждан государства (царская мантия — трабея (trabea), lituus — царский жезл, курульное кресло (sella curulis) и др.).

Самыми значительными римскими «имперскими» традициями, которые с некоторыми изменениями существовали все позднеантичное время, несомненно, выглядят знаменитые римские игры (ludi) и зрелища, триумф, посещение терм и ритуал застолья. Сведения о том, что древние обычаи римлян имели место в позднеантичную эпоху и играли важную роль в повседневной жизни, зафиксированы в трудах не только светских, но и христианских авторов (Aus. Opusc.; Sid. Epist.; Aug. Confess.; etc.).

Данные элементы римского традиционализма являлись составляющими так называемой «статусной» самоидентификации представителей латинского позднеантичного общества, которая позволяла римской интеллектуальной элите эпохи соотносить свое положение с принятыми в обществе категориями престижности.

Этническая самоидентификация, или дихотомия «свой-чужой», также вытекающая из «имперской идеи», являлась еще более важным моментом в менталитете римского гражданина.

Элементы «статусной» и «этнической» самоидентификации римской высшей знати играли даже, пожалуй, более серьезную роль именно в период поздней античности, когда сущность человека определялась через его общественное положение, сословный статус, род занятий, а не его индивидуальные качества; все действия такой личности были направлены на получение одобрения сограждан.

Позднеримская культурная элита, воспитанная в большинстве случаев на литературных примерах древности, преклонявшаяся перед традиционной римской системой ценностей, каждому событию современной действительности находила аналогии в великой истории Рима. В системе символов, значительных для этого узкого круга хранителей прошлого, главным оставался «вечный Рим» (aeterna Roma).

С. Д. Литовченко (Харьков)

ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ТРЕТЬЕЙ ВОЙНЫ РИМА С МИТРИДАТОМ VI

Римско-армянская война 69–66 гг. до н. э., которая привела к падению империи Тиграна II, вошла в историю древнего мира как один из символов политической и военной неэффективности азиатских деспотий в борьбе с Римской республикой. Множество нареканий вызывают, в первую очередь, отказ Тиграна II от помощи своему союзнику Митридату VI и совершенная неготовность Великой Армении к неизбежной войне с Римом. Учитывая множество противоречий, существовавших

между Римом и Арменией, отказ Тиграна II от поддержки Митридата VI позволил многим исследователям охарактеризовать армянского царя как недальновидного правителя. Армянские историки, стремясь оправдать Тиграна II, доказывали, что царь Великой Армении осознавал римскую угрозу, но объективные обстоятельства не позволили ему оказать помощь Митридату.

На наш взгляд, обе версии неполностью раскрывают особенности внешнеполитических отношений